

УНЖАКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

**ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ АРГОССКОГО ПОЛИСА
И УКРЕПЛЕНИЕ ЕГО ВНУТРИПОЛИСНОЙ СТРУКТУРЫ
СО ВРЕМЕНИ ДОРИЙСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V В. ДО Н.Э.**

*Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(история древнего мира)*

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2010

Работа выполнена на кафедре истории, культурологии и древних языков ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Строгеецкий Владимир Михайлович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Сизов Сергей Кузьмич
(г. Нижний Новгород)

кандидат исторических наук, доцент
Жестоканов Сергей Михайлович
(г. Санкт-Петербург)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный педагогический
университет»

Защита диссертации состоится 30 сентября 2010 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.01 при ФГОУ ВПО «Казанский государственный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского ФГОУ ВПО «Казанский государственный университет»

Автореферат разослан «____» _____ 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Уже на протяжении века проблема полиса, как основной формы политической и социальной организации античного общества, остается одной из самых ключевых в мировом антиковедении, что вполне закономерно, так как понимание самой греческой цивилизации вряд ли возможно без понимания феномена полиса. Вместе с тем, несмотря на существование множества научных работ, так или иначе исследующих данную тему, нельзя не отметить определенные пробелы в изучении проблемы применительно к целому ряду отдельно взятых греческих полисов. В подавляющем большинстве случаев наличие подобных лакун объясняется не только высоким количеством потенциальных объектов для исследования, но и, зачастую, полным отсутствием либо крайней скудностью сохранившейся информации по отдельно взятым полисам¹.

К группе недостаточно изученных полисов следует в значительной степени отнести и Аргос. Несмотря на то, что тот или иной аспект его истории упоминается практически в каждой достаточно объемной работе, посвященной Греции, история самого Аргосского полиса крайне редко становится темой отдельного рассмотрения, получая должное внимание со стороны исследователей античности вопреки тому, что, как известно, Аргосский полис оставался одним из наиболее важных государств Древней Греции более половины тысячелетия со времени падения Микенской цивилизации. В сравнительно короткий отрезок времени после длительного застоя «Темных веков» Аргос не только развился в одно из крупнейших греческих государств, но и начал оказывать существенное влияние на политическую жизнь других полисов, будучи одним из основных военно-политических и религиозных центров Греции.

Обратиться к исследованию Аргоса побуждает и острая дискуссионность проблем его истории. Зачастую весьма разрозненные сообщения по истории Аргосского полиса трактуются исследователями без проведения должного анализа вопреки нередкой противоречивости сведений и с выбором той части информации, которая удобна и не вступает в конфликт с точкой зрения, отстаиваемой тем или иным автором. Хотя в последнее десятилетие можно говорить о некотором росте интереса исследователей к истории Аргоса, публикуемые работы, однако, затрагивают лишь отдельные

¹ Красноречивы цифры, приводимые Ч. Старром, по оценке которого за все время греческой истории существовало около 600-700 полисов, включая поселения на побережье Эгейского моря и островах Ионического моря. Если добавить сюда все существующие колонии, это число может составить около полутора тысяч. См.: *Starr Ch.G. Individual and Community. The Rise of the Polis. 800-500 B.C. N.Y., 1986. P. 46-47.*

Реестр полисов М. Хансена включает 1035 наименований. Ученый, однако, допускает, что некоторые из них могли и не быть полисами. См.: *Hansen M.H. & Nielsen Th.H. An Inventory of Archaic and Classical Poleis. N.Y., 2004. P. 53-54.*

исторические аспекты и события, не пытаясь нарисовать общую картину и свести их в единое целое. Очевидно, рассмотрение отдельных фрагментов вне широкого контекста истории полиса не может не сказываться на точности делаемых выводов.

Темой настоящей диссертации является исследование предпосылок возникновения Аргосского полиса и выявление основных этапов последующего развития и укрепления его внутриволисной структуры.

Хронологические рамки. Период с начала II-го тысячелетия до н.э. до конца V в. до н.э., избранный нами для рассмотрения, охватывает весьма продолжительный временной интервал и включает самую раннюю историю города, время становления Аргоса как полиса, а также время наиболее яркого проявления полисных черт. Работа не затрагивает более поздний период, поскольку с конца V в. возникают симптомы начала общего кризиса греческих полисов (внутриполитическая борьба демократов и олигархов), что является темой отдельного исследования. В рассматриваемый нами период входят такие важнейшие для истории всей Греции вехи как приход дорийцев, расцвет полисной системы, Греко-персидские и Пелопонесская войны.

Объектом исследования данной работы является греческий полис Аргос.

Предметом исследования является становление и развитие Аргосского полиса.

Принимая во внимание то обстоятельство, что речь в данной работе идет о *полисе*, нельзя не остановиться на проблеме определения самого понятия этого одного из самых частых терминов греческого языка².

Историография, как известно, предлагает множество определений полиса, подчас значительно отличающихся друг от друга³. Небольшой обзор по данному вопросу дает возможность сделать нижеследующие выводы.

Решение вопроса об образовании полиса связано, во-первых, с тем, в каком значении исследователь рассматривает само слово «полис»; во-вторых, (как следует из первого) с тем, какие «полисные» признаки принимаются исследователем во внимание прежде всего; и, в-третьих, очевидно, что процесс формирования городов-государств протекал неодновременно и почти незаметно на территории Греции. Даже руководствуясь источниками, вряд ли можно с точностью сказать, когда именно греки начали ощущать себя гражданами полиса. Лишь к началу Классического периода античными

² По данным М. Хансена, в списке 2000 наиболее часто употребляемых слов *πόλις* занимает 39-е место, опережая даже такие слова, как *ἀνὴρ* – 42-е место; *θεός* – 65-е место. Hansen M. H. Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State. N.Y., 2006. P. 160.

³ Максимально исчерпывающий историографический анализ по данной теме выполнен К. Власопулосом. См.: Vlassopoulos K. Unthinking the Greek Polis. Ancient Greek History beyond Eurocentrism. N.Y., 2007. P. 13-67. См. также: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 5-18.

авторами выделяется достаточно подробный ряд признаков, четко отделяющих полис от деревни, таких как: только полис мог иметь победителя в пан-эллинских играх; только полис мог назначить проксена; только полис мог объявить войну или заключить мир; только полис мог присоединиться к альянсу; только полис мог чеканить монеты и т.д.⁴. Таким образом, речь может идти о весьма продолжительном и приблизительном периоде времени в отношении конкретно взятого полиса.

В данной работе мы попытаемся решить эти вопросы применительно к Аргосскому полису, проследив за его становлением и развитием, выявив предпосылки формирования, рассмотрев его органы власти и действия, направленные на укрепление внутренней структуры и автаркии, что и является **целью исследования**. Следуя античным представлениям, под полисом будет пониматься город-государство со сформировавшимся гражданским обществом, что подразумевает наличие городского уклада жизни и государственного устройства. Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**:

1. Руководствуясь приведенными признаками, определить временные рамки, в пределах которых можно говорить об Аргосе как о сформировавшемся полисе.

2. Выявить и охарактеризовать важнейшие предпосылки формирования Аргосского полиса: географические условия, этнический состав, роль микенского наследия, значение религиозных культов.

3. Рассмотреть формирование и эволюцию органов власти Аргосского полиса как важнейших элементов внутриполисной организации.

4. Проанализировать действия Аргосского полиса, направленные на укрепление его внутренней структуры и полисной автаркии и отразившиеся на взаимоотношениях Аргоса с соседними полисами, а также государствам, находящимся за пределами Аργοлиды.

5. Охарактеризовать действия Аргоса, направленные на укрепление внутриполисных отношений, а также утверждение независимости, нейтрального положения и посреднической роли в Греко-персидских и Пелопоннесской войнах.

Степень научной разработанности темы. Среди обобщающих работ по истории Греции, затрагивающих интересующие нас проблемы, необходимо назвать работы, созданные представителями историографии XIX – начала XX в. (Дж. Грота, Г. Бузольта, Э. Мейера, К. Белоха)⁵, а также

⁴ Подробно данный вопрос рассматривается М. Хансенom. См.: *Hansen M. H. Polis. An Introduction...* P. 51-53.

⁵ *Grote G. History of Greece. Vol. I-XII. N.Y., 1856-1859; Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. I-III. Gotha, 1893-1897; Meyer E. Geschichte des Altertums. Bd. I-V. Stuttgart, 1884-1937; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. I-IV. Strassburg, 1912-1925.*

произведения исследователей середины XX – начала XXI в. (Р. Сили, П. Родса, С. Хорнблоуэра, М. Финкелберг и др.)⁶.

Необходимо также выделить ряд исследований, полностью посвященных проблемам полиса – работы В. Эренберга, Э.Д. Фролова, С. Скалли, К. Влассопулоса, двухтомное издание под редакцией Е.С. Голубцовой и др.⁷. Особняком здесь стоят работы М. Хансена, проведшего вместе с Копенгагенским центром огромную работу по каталогизации и изучению греческих полисов⁸.

Литература, полностью посвященная проблемам истории Аргоса, представлена весьма немногочисленными работами. Здесь, в первую очередь, следует назвать опубликованную в 1976 г. монографию Т. Келли «История Аргоса до 500 г. до н. э.», которая до настоящего времени остается, пожалуй, единственным трудом, подробно анализирующим и обобщающим имеющиеся на момент написания книги сведения о полисе в затрагиваемый период⁹. Необходимо также отдельно упомянуть детальное описание географических условий Арголиды, составленное Г. Леманном¹⁰.

Отдельные эпизоды и аспекты аргосской истории нашли отражение в исследованиях, посвященных иным полисам¹¹, известным историческим личностям¹², значимым событиям греческой истории: Греко-персидским

⁶ *Sealey R.* A History of the Greek City-States ca 700-338 B.C. Berkeley, Los Angeles, London, 1976; *Hornblower S.* The Greek World, 479-323 BC. London, 2002; *Rhodes P.J.* A History of the Classical Greek World, 478-323 B.C. Oxford, 2006. *Finkelberg M.* Greeks and Pre-Greeks. Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition. N.Y., 2006.

⁷ *Ehrenberg V.* The Greek State. N.Y., 1960; *Фролов Э.Д.* Ук. соч.; *Scully S.* Homer and the Sacred City. Ithaca and London, 1994; *Vlassopoulos K.* Unthinking the Greek Polis. Ancient Greek History beyond Eurocentrism. N.Y., 2007; Античная Греция. Том 1: Становление и развитие полиса, Том 2: Кризис полиса. М., 1983 // ответственный ред. Е.С. Голубцова.

⁸ Основные работы: *Hansen M.H. and Nielsen Th.H.* An Inventory of Archaic and Classical *Poleis* An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. N.Y., 2004; *Hansen M.H.* Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State. N.Y., 2006.

⁹ *Kelly Th.* A History of Argos to 500 B.C. Minneapolis, 1976.

¹⁰ *Lehmann H.* Argolis: Landeskunde der Ebene von Argos und ihrer Randgebiete. Athen, 1937.

¹¹ См., например: *Строгецкий В.М.* Внешняя политика Спарты во второй половине VI – начале V в.в. до н.э.: Дис. ... канд. исторических наук. Л., 1973; *Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999; *Salmon J.B.* Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B.C. Oxford, 1984; *Powell A.* Athens and Sparta. Constructing Greek Political and Social History from 478 B.C. London & N.Y., 2001; *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. A Regional History 1300-362 B.C. London & N.Y., 2002; *Luraghi N.* The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. N.Y., 2008.

¹² *Kōiv M.* The Dating of Pheidon in Antiquity // *Studia Humaniora Tartuensia*, 2000. Vol. 1.1. P. 2-21; *Ragone G.* Riflessioni sulla documentazione storica su Fidone di Argo // *Argo, una democrazia diversa* [a cura di C. Bearzot, F. Landucci]. Milano, 2006. P. 25-100; *Forrest W.G.* Themistocles and Argos // *CQ*, 1960. N. S. Vol. X. No2. P. 221-241; *Lenardon R.J.* The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // *Historia*, 1959. Vol. VIII. P. 23-48

войнам¹³, Пелопоннесской войне¹⁴. Тема Аргоса затрагивается в исторических комментариях к Геродоту¹⁵, Фукидиду¹⁶, исследованиях, посвященных религии¹⁷, военному делу¹⁸ и др.

С учетом темы основной вывод из историографического обзора можно сформулировать следующим образом: фактический материал из истории Аргоса чаще всего рассматривается изолированно, а проблемы становления, развития и укрепления Аргосского полиса, как самоуправляющейся гражданской общины и политической организации, не являлись темой самостоятельного и комплексного изучения либо становились предметом бесконечных дискуссий, далеких от своего окончательного решения¹⁹.

Источники по истории Аргоса, хотя и фрагментарны, но разнообразны, и их достаточно для плодотворного решения намеченных нами проблем. Здесь можно выделить три основные разновидности: *литературные, документальные и археологические*.

К первой группе относятся следующие:

- Поэтические произведения Гомера.

В поэмах Гомера впервые встречаются упоминания о полисе. Разумеется, Гомер, прежде всего, эпический поэт. В его эпосе, как отмечает Ю.В. Андреев, не существует некой синхронной реальности, но находит отражение огромная перспектива исторического развития²⁰. Именно в этом ценность гомеровских поэм для исследования становления греческого полиса.

- Произведения древнегреческих историков.

¹³ См., например: *Grundy G.B.* The Great Persian War and its Preliminaries; a Study of the Evidence, Literary and Topographical. London, 1901; *Hignett C.* Xerxes' Invasion of Greece. Oxford, 1963.

¹⁴ *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1969; *Losada L.A.* The Fifth Column in the Peloponnesian War. Leiden, 1972.

¹⁵ *How W.W. and Wells J.* A Commentary on Herodotus. With Introduction and Appendixes. Oxford, 1912; *Scott L.* Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden, 2005.

¹⁶ *Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J.* Commentary on Thucydides. Volume V: Book VIII. Oxford, 1981.

¹⁷ *Farnell L.R.* The Cults of the Greek City States (in 5 volumes). Vol. IV. Oxford, 1907; *Polignac F., de.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago & London, 1984.

¹⁸ *Sage M.M.* Warfare in Ancient Greece. A Sourcebook. London and N.Y., 2003; *Hanson V.D. [and others]* The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. I: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome / ed. by Sabin Ph. [and others] N.Y., 2007.

¹⁹ Обращает на себя внимание определенный рост интереса исследователей к истории Аргоса в течение последнего десятилетия. См., например: *Kōiv M.* Op. cit., 2000; *Jackson A.H.* Argos' Victory over Corinth // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2000. No 132. P. 295-311; *Ragone G.* Op. cit., 2006; *Tuci P. A.* Il regime politico di Argo e le sue istituzioni tra fine VI e fine V secolo a.C.: verso un'instabile democrazia. // *Argo, una democrazia diversa* [a cura di C. Bearzot, F. Landucci]. Milano, 2006. P. 148-209.

²⁰ *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976. С. 9-10.

Опираясь на безусловно важную, хотя и не совсем полную информацию Геродота и Фукидида об истории Аргоса, мы руководствовались совершенно справедливым замечанием, высказанным еще М.С. Куторгой о том, что «первой обязанностью историка является не отвергать известия античных писателей, но объяснять и истолковывать их; прибегать же к предположениям ему позволено только при совершенном отсутствии прямых указаний»²¹.

- Труды философов.

Кроме основных исторических трудов немаловажное значение для исследователя проблем истории Аргосского полиса имеют также труды философов, среди которых наибольшую значимость представляют политические сочинения Платона и Аристотеля²².

- Сочинения поздних авторов.

Прежде всего, здесь нас интересуют историки IV в., среди которых особенно следует выделить Эфора, сочинение которого, к сожалению, не сохранилось, но было широко использовано эллинистическо-римскими писателями, такими как Диодор Сицилийский и Плутарх.

Характеризуя отношение к поздней традиции в целом, необходимо отметить, что некоторые современные исследователи, защищая достоверность сведений классических авторов, стали впадать в другую крайность, утверждая, что для реконструкции событий греческой истории V в. сочинения поздних античных авторов не представляют совершенно никакой ценности²³. Более взвешенным и конструктивным является мнение Дж. Ларсона, согласно которому необходимо всегда помнить, что Геродот, Фукидид и другие информаторы иногда опускают ценную для нас информацию; что же касается второстепенных историков, не следует исключать возможность того, что они нередко сохраняют ценные сведения, которые по тем или иным причинам не упоминаются предыдущими авторами²⁴. Это, прежде всего, относится к Эфору, Диодору Сицилийскому, Плутарху и Страбону. От главного сочинения Эфора «Всеобщая история»,

²¹ Куторга М.С. Персидские войны: Критические исследования событий этой эпохи древней греческой истории. СПб., 1858. С. 16.

²² Платон Государство // Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 3 / Пер. с греческого под общ. редакцией А.Ф. Лосева и др. М., 1994. С. 79 сл.; Законы // Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4 / Пер. с греческого под общ. редакцией А.Ф. Лосева и др. М., 1994. С. 71 сл.

Аристотель Политика // Аристотель. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4 / М., 1984. С. 38 сл.

²³ См., например: Hignett C. Op. cit. P. 7 ff.

²⁴ Larsen J.A.O. The Constitution and the Original Purpose of the Delian League // Harvard Studies in Classical Philology, 1940. Vol. LI. P. 177.

состоявшего из 30 книг, сохранилось лишь 157 фрагментов²⁵. Труд Эфора, как известно, послужил одним из главных источников Диодора.

Диодор – единственный автор, который после Геродота и Фукидида дает развернутое изложение греческой истории V в. до н. э. в XI-XV книгах его «Исторической библиотеки»²⁶. Несмотря на то, что значительную часть материала он почерпнул у Эфора, не следует считать Диодора бездумным компилятором. Он был более самостоятелен в выборе источников и работе с ними, чем утверждают некоторые современные исследователи²⁷.

Страбон (X. 3. 5) с гордостью пишет о себе, что он излагает большинство исторических фактов лучше, чем другие, и дополняет по неведению пропущенное ими. По-видимому, с этим можно в значительной степени согласиться. Вместо объяснения у него зачастую присутствует лишь констатация фактов и явлений. Хотя описательный метод Страбона, конечно, не является в полном смысле научным, нельзя не отметить стремление автора к максимальной точности, которая, по его же мнению, достигается, во-первых, свидетельством очевидцев; во-вторых, согласием источников; при расхождении источников предпочтение отдается какому-либо одному автору²⁸.

Подобно Диодору, Плутарх был одним из основных объектов филологической критики XIX в., которая применяла к нему методы «теории единого источника». Окончательно наследие *Einquellentheorie* применительно к Плутарху было преодолено лишь в середине XX в. И сегодня его ставят на первое место непосредственно за выдающимися писателями древности²⁹. Нас Плутарх интересует как автор сравнительных жизнеописаний (в частности, его биография Фемистокла) и моралистических трактатов. Хотя Плутарх и не был историком, тем не менее, собирая материал для своих биографий и моралистических трактатов, он обращался к широкому кругу источников. Поэтому, как он сам замечал, касаясь исторических событий, старался сообщать то, что обычно ускользало от внимания большинства писателей и лишь мимоходом высказано другими

²⁵ Об Апросе см.: *Jacoby F.* FGrHist, Bd. II A. 70 F 115. См. также: *Ephorus Ephori Cumaei Fragmenta / Collegit atque illustravit Meier Marx.* Caroliruhae, MDCCCXV.

²⁶ Об Апросе см.: *Diod.* IV, XI, XII.

²⁷ Об оценке Диодора и его сочинения см.: *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ, 1983. №4. С. 176-186.

²⁸ Приведем цитату из Страбона (VI. 3. 10): «Там, где я имею свое суждение, даю то, что считаю правильным, где – нет, там называю имена осведомителей, там же, где нет никаких источников, – там и я умалчиваю.» (Пер. Г.А. Стратановского)

О методе Страбона см.: *Стратановский Г.А.* Страбон и его «География» / Вступительная статья к изданию *Страбон География.* М., 2004. С. 5-22.

²⁹ *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 19 сл.

авторами, а также то, что обнаружено в древних памятниках и постановлениях³⁰.

Выдающимся по богатству материала для воссоздания истории культуры Греции всех эпох, включая Архаическую, Классическую и Эллинистическую, является сочинение Павсания «Описание Эллады». Работа содержит подробное описание храмов, святилищ, архитектурных комплексов, остатков строений, статуй. Сюда же включены сказания и мифы, связанные с теми или иными памятниками. Важны и приводимые Павсанием исторические справки о тех памятниках, которые он описывает: биографии лиц, которым поставлены статуи, исторические обстоятельства их установки.

Оценивая значение сочинений поздних авторов, мы видим главную задачу в сопоставлении их сведений с данными Геродота и Фукидида, а также материалами археологии и эпиграфики, ибо только таким образом можно реконструировать хронологию и содержание конкретных событий в истории Греции V в. до н. э.

Используемые нами надписи (*документальные источники*) являются оригинальными и официальными документами. Будучи оригинальными, они не подвержены ошибкам рукописной традиции. Те незначительные ошибки, которые в них бывают, сделаны рукой резчика и легко поправимы. Будучи официальными, эти документы являются подлинными утверждениями исторического факта. Особую ценность эпиграфические источники приобретают, если их рассматривать в сравнении с литературными данными, что позволяет выявить обстоятельства, при которых были приняты те или иные декреты.

Данные эпиграфики рассматриваются благодаря археологическим раскопкам. *Археологический* материал представлен опубликованными описаниями и отчетами о проведенных раскопках. В данной связи отметим, что мы считаем важным избегать определенной крайности в работе с этими материалами, которая заключается в чрезмерной ориентации на данные археологии³¹. Мы, разумеется, никак не отрицаем значимость археологических артефактов, исключительно важных для реконструкции как ранних, так и более поздних периодов истории Аргоса, однако нельзя не принимать во внимание, по выражению такого авторитетнейшего археолога, как А. Снодграсс, их «неполноту, неопределенность и сложность»³². Не

³⁰ См.: Вступление к биографии Никия.

³¹ Здесь мы полностью разделяем точку зрения А. Снодграсса, по выражению которого, «археология делает свой вклад» в изучение проблем возникновения и роста полиса. См.: *Snodgrass A. Archaeology and Study of the Greek City // City and Country in the Ancient World / Ed. by J. Rich and A. Wallace-Hadrill. London, 1991. P. 3.*

³² Книга А. Снодграсса *An Archaeology of Greece...* предлагает подробный анализ проблем археологической дисциплины в целом. Во второй главе, рассматривающей отношения между археологией и историей, А. Снодграсс, например, отмечает неполноту раскопок поселений, сходство последствий природных бедствий, пожаров и военных действий. См.:

всегда, на наш взгляд, оправдан подход тех историков, кто, признавая возможность опоры на традицию, считают материальные источники критерием ее достоверности, поскольку очевидно то, что отсутствие в данный момент археологического подтверждения того или иного факта традиции не может иметь решающего значения. Расширение ареала археологических исследований, появление новых материалов, совершенствование методов постоянно приводят к пересмотру или уточнению скептических суждений и выводов. При сравнении данных археологии и традиции обращает на себя внимание не только упомянутая выше ограниченность первой, но и бóльшая ее недолговечность по сравнению с традицией, так как некоторые археологические свидетельства были необратимо утрачены в силу ряда обстоятельств. Письменная традиция, с другой стороны, сохраняет порой память о значимом, но навсегда утраченном материальном объекте.

Таким образом, исследовательский подход: «данные традиции подтверждаются (или не подтверждаются) данными археологии» может быть дополнен следующим образом: если они подтверждаются, то это может служить дополнительным аргументом в пользу достоверности; но, если подобное археологическое подтверждение отсутствует, этот *argumentum ex silentio* не умаляет самодостаточности того или иного предания. Повторим также то, что нередко сохраняется возможность появления с течением времени новых археологических фактов.

Переходя к **методологии исследования**, мы, прежде всего, должны отметить приверженность *комплексному подходу*, основанному на изучении всех упомянутых видов источников: нарративных, археологических, эпиграфических. Весьма продуктивным мы также считаем использование в работе таких методов, как *историко-филологического*, опирающегося на данные иных гуманитарных дисциплин (в первую очередь, лингвистики), и *критического*, подразумевающего историческую оценку свидетельств с возможной корректировкой ошибок на основе тщательного сопоставления и разбора текста источника. Наконец, использование *цивилизационного подхода*, подразумевающего существование множества факторов, которые вызывают и определяют ход того или иного исторического события, дает возможность нарисовать более точную и полную картину прошлого.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов и выводов в общих и специальных курсах по истории древнего мира.

Snodgrass A. An Archaeology of Greece: The Present State and Future Scope of a Discipline. Berkeley, 1987. P. 36-66 (особ. P. 41-43). См. также: Snodgrass A. The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries BC. Edinburgh, 1971. P. XXIII-XXXII.

Апробация результатов исследования. Положения данного диссертационного исследования были представлены в докладах на следующих конференциях:

Шестой нижегородской сессии молодых ученых (Нижний Новгород – Дзержинск, 2002г.);

XIV чтениях памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. (Нижний Новгород, 2005г.);

Научной конференции «Добролюбовские чтения» (Нижний Новгород, 2005г.)

Научной конференции «Добролюбовские чтения» (Нижний Новгород, 2008г.)

Научной конференции «Добролюбовские чтения» (Нижний Новгород, 2010г.)

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав (первая глава включает пять параграфов, вторая – четыре, третья – три), заключения, приложения (топографическая карта), списка сокращений и списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование темы исследования, объясняется ее актуальность, определяется объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, обозначается ее методологическая основа. Здесь же рассматривается ряд существующих в научной литературе точек зрения по крайне важному для исследования вопросу понимания феномена полиса, а также предлагается этимологический и семантический анализ в диахроническом аспекте термина *πόλις*. Мы придерживаемся мнения, что подход к проблеме понимания полиса должен основываться на представлениях самих греков, ибо подобная установка означает ориентацию на историзм, отказ от модернизации реалий античности.

Первая глава **«Ранняя история Аргоса до конца Темных веков: предпосылки формирования полиса»**, как следует из самого названия, посвящена, в первую очередь, рассмотрению условий, способствовавших появлению полисного образования, среди которых выделяются:

Географические условия, рассматриваемые в § 1 **«Географическое положение»**. Анализ природных условий подтверждает достоверность сообщения Диодора (I. 28. 2) о том, что Аргос, будучи основанным ранее многих других поселений, является одним из старейших городов Греции. Помимо благоприятных климатических и природных условий, Аргосская равнина обладала и весьма удобным рельефом. Многочисленные холмы давали возможность, с одной стороны, легко укреплять и защищать город; с другой стороны, их склоны не были слишком круты, чтобы затруднять

доступ к вершине. Единственным недостатком местоположения Аргоса могло быть лишь отсутствие собственной гавани вследствие удаленности города от моря, в результате чего Аргос никогда не имел, по крайней мере, развитого флота, что не могло не ограничивать в известной степени свободу ведения военных действий и развитие торговых связей.

Данные, приводимые в § 2 «**Аргос в Элладский период**», подтверждают тезис о древности данного поселения, территория которого была заселена уже с Раннеэлладского периода. Такие археологические сведения, как анализ керамики, данные о направлении дорог (ведущих от Микен) свидетельствуют о культурном единении Аргосской долины, по меньшей мере, с середины Позднеэлладского периода, а также второстепенной роли Аргоса в это время.

В качестве второй важной предпосылки образования полиса выступает этнический состав. Вопрос об аргосском этносе рассматривается в § 3 «**Переселение дорийцев и их закрепление в Арголиде**». Известно, что в конце XIII в. до н.э. Микенской цивилизации был нанесен удар, от которого она уже никогда не смогла оправиться. Традиция в этой связи сообщает о дорийском переселении в Пелопоннес, иначе называемом «возвращением Гераклидов». Условно существующие точки зрения можно объединить в следующие группы: (1) Традиционную, основанную на мифе о Гераклидах и сообщениях в источниках – дорийское вторжение имело место, дорийцы виновны в гибели Микенской цивилизации. (2) Гиперкритические – дорийское вторжение является вымыслом, иные причины повлекли за собой падение Микен. Внутри данной группы можно выделить несколько версий³³: *эволюционную*³⁴, *климатическую*³⁵, *экономическую*³⁶ (сюда же относится и *Глобальная теория циклов*³⁷), *версию междоусобных войн*³⁸, *версию военных преобразований*.³⁹ (3) Умеренно-критические, разделяющие дорийское

³³ Предлагаемое деление достаточно условно, поскольку версии могут накладываться друг на друга, выдвигая на передний план одну из общих причин, не отрицая при этом существование других.

³⁴ *Белохъ Ю.* Истoрия Грeции. Том 1 / переводъ с нѣмецкаго М. Гершензона. М., 1905. С. 95-108.

³⁵ *Carpenter R.* Discontinuity in Greek Civilization. Cambridge, 1966. P. 10 f., 58 f.

³⁶ *Hutchinson J.S.* Mycenaean Kingdoms and Medieval Estates // *Historia*. 1977. Vol. 26. P.1-23.

³⁷ *Frank A.G.* Bronze Age World System Cycles // *Current Anthropology*. 1993. Vol. 34, No 4, Aug-Oct. P. 383-429. О фазах см.: P. 389.

³⁸ *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. A Regional History 1300-362 B.C. London and N.Y., 2002. P. 63.

³⁹ *Drews R.* The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B.C. Princeton, 1993. P. 138-157, 209-225.

переселение и гибель микенских дворцов и так или иначе связывающие приход дорийцев с «народами моря» – виновниками гибели цивилизации⁴⁰.

Анализ данных археологии в совокупности с анализом изменений в диалектном континууме, сложившемся в Греции Микенского периода (а также сопоставление диалектов с картиной, имевшей место после падения Микенской цивилизации), подтверждают правоту предложенного Ю.В. Андреевым сценария, в соответствии с которым дорийский этнос формировался не за пределами зоны распространения Микенской цивилизации, а, напротив, внутри этой зоны, хотя и на некотором удалении от ее основных центров, а последующее продвижение дорийцев с севера на юг представляло собой внутреннюю миграцию⁴¹. Все это дает возможность сделать вывод о том, что приход дорийцев не является измышлением. Дорийский этнос действительно составил основу аргосского населения.

Еще одним из «следов» появления дорийцев в Пелопоннесе и, в частности, Аргосе можно считать внесенный ими новый порядок перехода царской власти от отца к своему наследнику в отличие от практиковавшейся ранее модели передачи власти дочери от матери. Данный вопрос рассматривается в § 4 **«Царская власть в Аргосе периода прихода дорийцев»**. Исследователи античности не раз обращали внимание на сложности в интерпретации таких ситуаций, как та, что сложилась в Итаке во время странствий Одиссея. Как известно, Телемах, сын царя, не только не может занять место своего отсутствующего и, предположительно, погибшего отца, но готов принять то, что будущим царем Итаки будет кто-то из знатных женихов, ухаживающих за его матерью (*Od.* 1. 395-402; 20. 330-345). Еще менее понятно положение отца Одиссея – Лаërта. Нет ни намека на то, что Одиссей узурпировал царскую власть. Однако «бывший царь» настолько далек от власти, что горевать и причитать – это единственное, что он может сделать в то время, как женихи грабят имущество Одиссея⁴².

Мы считаем, что объяснением здесь может послужить существование в пре-дорийском Аргосе модели перехода царской власти по женской линии (от царицы-матери к дочери) с определенным ограничением, выражающемся в принципе «ротационного наследования». В соответствии с этим принципом лишь три рода имели право взять в жены царицу (единожды на протяжении трех поколений) и занять царский трон. Данное утверждение основывается

⁴⁰ *Desborough V.R. d'A. The Last Mycenaens and Their Successors: An Archaeological Survey*, с. 1200-с. 1000 B.C. Oxford, 1964. P. 252 f.; *Oliva P. The Birth of Greek Civilization*. London, 1981. P. 33 ff.

⁴¹ *Андреев Ю.В.* От Евразии к Европе. СПб., 2002. С. 672-674; *Finkelberg M. Greeks and Pre-Greeks. Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition*. N.Y., 2006. P. 140-141.

⁴² *Finley M.I. The World of Odysseus*. Harmondsworth, 1979. P. 84-87.

на анализе нарративных источников⁴³ и не противоречит действительной очередности правления аргосских царей⁴⁴.

В § 5 «**Аргос в период Темных веков**» делается попытка проанализировать положение Аргосского полиса в указанный период. Данные археологии свидетельствуют о том, что Аргос занимал одно из лидирующих мест в экономике Греции. Не следует также излишне преувеличивать примитивизм и бедность Темных веков. Так, известно, что аргивяне были знакомы, в частности, с такими сложными техническими процессами как купелирование⁴⁵. А находки достаточно ценных предметов, погребенных вместе с их владельцами, свидетельствуют о том, что экономическое положение в Аργοлиде не было столь ужасным⁴⁶. С другой стороны, более аргументированной нам представляется та точка зрения, в соответствии с которой Аргос периода Темных веков не являлся ни центром обширной аргосской «империи», ни основателем множества колоний, на что указывает анализ сведений из источников, а также отсутствие очевидных предпосылок для осуществления колонизации.

Вторая глава «**Консолидация Аργοлиды и становление Аргосского полиса**» демонстрирует, что к середине VIII в. до н.э. Аргос проявлял все признаки сформировавшегося полиса. Археологические данные указывают на то, что Аргос этого времени был экономически процветающим городом, с населением около 25000 человек и превосходно развитыми ремеслами⁴⁷.

В § 1 «**Храм Геры: религиозный фактор становления Аргосского полиса**» отмечается, что, как государство, Аргос проводил тщательно продуманную, планомерную и эффективную политику, направленную на получение ведущей роли в Аργοлиде.

Одним из самых ярких предприятий, осуществленных Аргосом VIII в., являлось, несомненно, строительство Храма Геры (~725 г. до н. э.) в восьми километрах от Аргоса и несколько ближе к Микенам, Бербатам и Дендре. Очевидно, что наряду с удовлетворением возросших религиозных потребностей строительство Герейона преследовало также и иную крайне важную цель. Такой целью, на наш взгляд, было желание Аргоса продемонстрировать способность занять лидирующее положение в Аργοлиде. При этом мы считаем, что Храм Геры был возведен Аргосом отнюдь не для демаркации своих владений, но представлял собой проявление

⁴³ *Apollod.* III. 87, I. 74; *Paus.* VIII. 36. 4, II. 18. 5; *Diod. Sic.* IV. 35. 1–2; *Pi.* N. 9.13–15; *Hom.* II. 2.563–62, 2.572; *Od.* 15.235–9. Вывод подтверждается также сообщением Павсания (IX. 1. 1–2).

⁴⁴ *Finkelberg M.* Op. cit. P. 83.

⁴⁵ *Paraskevaidis M.* Von den Ausgrabungen in Argos // *Das Altertum*, 1960. Bd. 6. S. 33.

⁴⁶ *Kelly Th.* Op. cit. P. 25.

⁴⁷ *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley and Los Angeles, 1981. P. 57; *Morgan C. and Whitelaw T.* Pots and Politics: Ceramic Evidence for the Rise of the Argive State // *AJA*, 1991 Vol. 95. P. 85.

агрессивной дипломатии. Построив Герейон в одиночку, Аргос смог, по-видимому, продемонстрировать, что его амбиции имеют естественный, «узаконенный» характер – ведь теперь ему принадлежала главная святыня; а типично микенский стиль самой ранней части храма мог подчеркивать, что Аргос обладает правами преемника микенского прошлого⁴⁸.

Расширяя сферу своего влияния, Аргос, по-видимому, отдавал предпочтение мирным способам, о чем может свидетельствовать, в частности, слабая зависимость от Аргоса Навплии и других соседних городов, существование культа Агамемнона в маленьких Микенах. В случае необходимости, однако, не исключалась возможность военного похода. Иллюстрацией здесь может послужить выступление против Асины, препятствующей проводимой Аргосом политике экспансии. Действительно, вражда между Аргосом и Асиной резко выделяется на фоне мирных отношений между Аргосом, Тиринфом и Навплией, которые, вопреки своему территориальному положению (между Аргосом и Асиной), ничуть не пострадали во время похода аргивян. Следовательно, действия аргивян получили, по меньшей мере, их молчаливое одобрение. Можно также предположить, что отсутствие интереса со стороны Аргоса к выгодному морскому положению Асины объясняется более близким расположением дружественной Навплии со своей гаванью.

Что касается органов правления, с уверенностью применительно к Аргосу второй половины VIII в. до н.э. можно сказать лишь то, что он, по меньшей мере, номинально все еще находился под властью царя, что подтверждается сообщением Павсания (Paus. II. 36. 5). Однако невозможно определить, насколько могущественной в этот период была фигура аргосского царя, поскольку имеются свидетельства того, что к этому времени появился богатый класс аристократии. Последнее подтверждается богатством захоронений⁴⁹. Подобные находки имели место не только в Аргосе, но также в Тиринфе и Навплии⁵⁰. Очевидно, источником богатства аристократии Арголиды была принадлежащая ей земля, поскольку торговля Аргоса с другими городами велась, по всей видимости, в весьма ограниченном объеме.

Но, независимо от того, кому принадлежала реальная власть, с уверенностью можно утверждать то, что она была хорошо организована, стабильна, авторитетна и дальновидна, о чем достаточно ярко свидетельствует очевидный успех осуществляемой политики.

⁴⁸ Фазы строительства Герейона не только внешне, но и по масштабу и денежным затратам напоминают сооружения этого же времени на непосредственной территории Аргоса, что выступает против предположения о том, что храм мог быть «кооперативным предприятием». См.: *Morgan C. and Whitelaw T. Op. cit. P. 85.* О микенском стиле платформы храма см.: *Ibid. P. 84-85.*

⁴⁹ *Courbin P. Une tombe d'Argos (Planches I-V) // BCH, 1957. P. 322-386.*

⁵⁰ *Kelly Th. Op. cit. P. 70-71.*

В § 2 «**Арголийская направленность политики Аргоса в VII в. до н.э.**» делается попытка продемонстрировать, что амбиции Аргоса по обретению лидирующего положения в указанный период не выходили за границы Арголиды. В этой связи недостаточно аргументированной представляется точка зрения о том, что вражда между Аргосом и Спартой уходит своими корнями в далекое прошлое. Представляется, что основным условием возникновения столкновений между Аргосом и Спартой могли послужить появившиеся у Спарты перспективы занять господствующее положение в Пелопоннесе и у Аргоса – осуществлять контроль над Арголидой. Очевидно, что последнее не могло иметь место до консолидации территорий, окружавших каждый из этих полисов. Крайне маловероятны серьезные военные действия до синоикизма долины Эвроты и Аргосской равнины.

Как и в более ранний период, основным направлением политики Аргоса являлся внутренний вопрос укрепления самого полиса за счет усиления влияния внутри Арголиды, индикатором чего может, в частности, послужить поход аргивян против Навплии. Более обоснованной представляется также точка зрения, в соответствии с которой та взаимная вражда, которая приписывается аргивянам и лакедемонянам имеет не слишком глубокие корни и основывается на столкновении интересов, появившемся около середины VII в. до н.э., из-за Фиреатидской равнины.

В центре внимания § 3 «**Фидон и Аргосский полис**» находятся, как несомненно связанные друг с другом, вопрос о роли и положении Фидона в полисной системе власти, а также вопрос о датировке этого правителя.

Традиционно попытки определить, когда Фидон жил и правил Аргосом, основываются на следующих фактах: (1) Известно, что им были узурпированы олимпийские игры; (2) Фидоном были отчеканены первые греческие монеты и введена система измерений; (3) Наконец, имеет место генеалогический подход, основанный на определении места Фидона в генеалогии аргосских царей. Анализ, однако, показывает, что в силу ряда противоречий указанные подходы не дают возможности придти к окончательному выводу.

Представляется, что сузить границы возможной датировки (между 750 и 650 гг. до н.э.) дает возможность «теория гоплитов», поскольку вряд ли правомерно отделять друг от друга время возникновения полиса как гражданского коллектива, время появления ранней тирании и время появления фаланги гоплитов.

Далее, представляется возможным предположить вероятность заимствования слова «тиран» во время правления Фидона и, весьма вероятно, во время правления Гигеса, который датируется 680-652 гг. до н.э. Т.е. существует вероятность, что Фидон и Гигес были современниками. Важно

также, что, по мнению исследователей-филологов, само слово *tyrannos* было заимствовано греческим языком именно в VII в. до н.э.⁵¹

Мы считаем, что имеются достаточные основания говорить о высокой вероятности того, что Фидон правил Аргосом в первой половине или середине VII в. Представляется также, что правление Фидона не представляло собой тиранию в традиционном значении слова. С точки зрения социальной, Фидон мог считаться тираном, будучи тем правителем, который ввел тактику гоплитов со всеми вытекающими отсюда последствиями (предоставление больших прав неаристократам и т.д.). С точки зрения личностных качеств, Фидон мог внести невольный вклад и в дальнейшее изменение семантического и коннотационного значений слова «тиран» в результате таких дерзостных деяний как узурпация 28-х игр (668 г. до н.э.).

В центре внимания § 4 **«Цари и демиурги в Аргосе в VI в. до н.э.»** находятся три аргосских надписи, которые датируются первой половиной VI в до н.э.⁵²

Данные надписи дают возможность заключить, что в Аргосе данного периода демиурги обладали наивысшей властью, и то, что не царем, а демиургами осуществлялось правление. Разное количество демиургов (шесть и девять), упоминающееся в надписях, дает возможность сделать вывод о периоде политических перемен, экспериментов, во время которых часто менялось количество, а также обязанности и функции демиургов.

Некоторые аспекты внешней политики Аргоса (например, неоказание помощи Тегее в борьбе против Спарты, в результате чего Спарта получила доступ к Аргосской равнине) свидетельствуют о неэффективности органов власти Аргосского полиса. Как итог, политическая нестабильность явилась, очевидно, одной из причин утраты Аргосом ведущей роли в Аργοлиде, а период экспериментов закончился переходом власти к царю (Hdt. VII. 149).

Третья глава **«Аргосский полис в Классический период: эволюция внутриполисной структуры»** рассматривает все те внутриполисные изменения в Аргосском полисе в период Греко-персидских и Пелопоннесской войн, которые были вызваны, по большей части, событиями, связанными с внешними, межполисными отношениями.

В § 1 **«Внутриполитическое состояние Аргосского полиса после битвы при Сепее»** рассматриваются существующие точки зрения по вопросу датировки этой битвы. Анализ материалов источников и археологии дает возможность сделать заключение о большей правомерности датировки поражения аргивян 495/4 г. до н.э. Указанная датировка подразумевает

⁵¹ Forsdyke S. The Uses and Abuses of Tyranny // A Companion to Greek and Roman Political Thought / Ed. by R. K. Balot. Chichester, 2009. P. 232.

⁵² Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and Its Development from the Eighth to the Fifth Centuries. Oxford, 1961. P.156-159.

также, что Аргос, все еще испытывающий дефицит в воинах, действительно мог иметь достаточно веские основания для отказа в участии в войне против персов.

Очевидно, что после поражения от спартанцев в битве при Сепее произошли серьезные изменения в аргосских органах управления. Мы, однако, считаем маловероятной возможность существования правительства рабов в Аргосе. По-видимому, рабы действительно использовались лишь для организации обороны Аргоса (что также могло явиться одной из причин возникновения прозвища δοῦλοι в отношении тех, кто их использовал). Представляется, что речь может идти о временном социально-политическом кризисе, вызванном событиями 495/4 г., и последующем восстановлении аристократической власти.

В § 2 «**Аргосский полис в период пентеконтаэтии**» делается попытка рассмотреть внутреннее положение Аргоса в эту эпоху наивысшего расцвета внутриволисных и межволисных отношений.

Анализ источников позволяет заключить, что, во-первых, Аргосу в это время удалось укрепить внутреннее положение в городе. Во-вторых, используя враждебные отношения между Спартой и Афинами, аргивянам удалось восстановить контроль над своими внутренними территориями – Тиринфом и Микенами. В-третьих, стремясь добиться какого-либо преимущества над Спартой, Аргос, несомненно, тяготел к совместным действиям с Афинами.

Мы склонны считать, что пребывание Фемистокла в Аргосе наряду с процессами, способствовавшими демократизации Аргосского волиса, привело к установлению демократического правления до начала 60-х гг. V в., после чего к власти пришла аристократия, чье правление имело место до конца 60-х гг., когда была вновь установлена демократия.

В § 3 «**Аргос в эпоху Пелопоннесской войны**» отмечается, что наиболее точно политика Аргоса может описываться словами «нейтралитет и исключительно про-аргосская направленность». Действия аргивян отличались продуманностью, эффективностью, что не может не свидетельствовать об эффективности самого волисного управления. При этом успехи или неудачи во внешней политике не могли не влиять на внутреннее состояние. Так, например, в результате распада союза с Афинами, заключенного аргивянами в целях сохранения своей демократии, аргосские олигархи с помощью лакедемонян свергают демократическое правительство в Аргосе весной 417 г. до н.э.

С другой стороны, очевидно и то, что изменения во внутренней политике оказывают влияние на внешнюю политику. Летом 417 г. до н.э. аргосским демократам в результате уличных боев удалось вернуть себе власть, что привело к очередному сближению с Афинами.

В заключении подводятся итоги исследования и излагаются некоторые выводы обобщающего характера.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В реферируемых изданиях ВАК:

1. *Унжаков А.В.* Аргос и аргосская коалиция в период Никиева мира // Научные ведомости Белгородского государственного университета, 2009. № 15 (70). С. 27-32.
2. *Унжаков А.В.* К вопросу о внешней политике Аргоса с конца Греко-персидских войн до начала Пелопоннесской войны // Вестник Чувашского университета, 2009. № 4. С. 85-90.

В иных изданиях:

1. *Унжаков А.В.* Роль строительства Храма Геры в Аργοлиде // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Н. Новгород: НГПУ, 2005. С. 31-33.
2. *Унжаков А.В.* Фидон: Царь или тиран? // Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Творчество Н.А. Добролюбова и его современников / Под ред. В.М. Строгеецкого. Н. Новгород: Народный памятник, 2005. С. 56-60.
3. *Унжаков А.В.* Характеристика кризисного состояния Аргоса в период после Фидона до начала Персидских войн // Традиции и инновации в отечественной и мировой культуре и истории в эпоху глобализации. Вклад Н.А. Добролюбова и его современников в подходы к проблеме: сборник материалов научной конференции «Добролюбовские чтения». / Под ред. В.М. Строгеецкого. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2009. С. 14-17.